

Онъ гибнетъ жертвой общихъ мнѣній.
 Когда ему въ пылу забавъ
 Обдумать зрѣлое творенье?...
 За то какая благодать,
 Боль небо вздумаетъ послать
 Ему изгнанье, заточенье,
 Иль даже долгую болѣзнь!
 Точастъ въ его уединеніи
 Раздастся сладостная пѣснь!
 Порой вълюбляется онъ страстно
 Въ свою нарядную печаль...
 Ну, что вы пишете? Нельзя-ль
 Узнать?

ПИСАТЕЛЬ.

Да, ничего...

ЖУРНАЛИСТЪ.

Напрасно!

ПИСАТЕЛЬ.

О чемъ писать? Востокъ и югъ
 Давно описаны, воспѣты;
 Толпу ругали всѣ поэты,
 Хвалили всѣ семейный кругъ,
 Всѣ въ небеса неслись душою,
 Взывали съ тайною мольбою
 Къ Н. Н., невѣдомой красѣ,—
 И страшно надоѣли всѣ.

ЧИТАТЕЛЬ.

И я скажу—нужна отвѣта
 Чтобы открыть... хоть вашъ журналъ
 [Онъ мнѣ ужъ руки обломалъ].
 Во-первыхъ, сѣрая бумага;
 Она, быть можетъ, и чиста,
 Да какъ то странно безъ перчатокъ.
 Читаешь—сотни опечатокъ!
 Стихи—такая пустота:
 Слова безъ смысла, чувства нѣту,
 Натянутъ каждый оборотъ;
 Притомъ—сказать ли по секрету?
 И въ римахъ часто недочетъ.
 Возьмешь ли прозу?—переводъ,
 А если вамъ и попадутся
 Рассказы на родимый ладъ,
 То вѣрно надъ Москвой смѣются,
 Или чиновниковъ бранятъ.
 Съ кого они портреты пишутъ?
 Гдѣ разговоры эти слышать?
 А если и случалось имъ,
 Тагъ мы ихъ слышать не хотимъ..
 Когда же на Руси бесплодной,
 Разставшись съ ложной мишурой,
 Мысль обрѣтетъ языкъ простой
 И страсти голосъ благородный?

ЖУРНАЛИСТЪ.

И точно то же говорю;
 Какъ вы, открыто негодую,
 На музу русскую смотрю я:
 Прочтите критику мою.

ЧИТАТЕЛЬ.

Читалъ я. Мелкія нападки
 На прифѣтъ, винетки, опечатки,

Намеки тонкіе на то,
 Чего не вѣдаетъ никто.
 Хотя бѣ забавно было свѣту!...
 Въ чернилахъ вашихъ, господа,
 И желчи ѣдкой даже нѣту—
 А просто грязная вода.

ЖУРНАЛИСТЪ.

И съ этимъ надо согласиться
 Но вѣрите мнѣ, душевно радъ
 Я былъ бы вовсе не браниться—
 Да какъ же быть?... меня бранятъ.
 Войдите въ наше положенье!
 Читаетъ насъ и низшій кругъ:
 Нагая рѣзкость выраженья
 Не всякій оскорбляетъ слухъ;
 Приличье, вкусъ—все такъ условно,
 А деньги всѣ вѣдь платятъ равно!
 Повѣрите мнѣ: судьбою несть
 Даны намъ тяжкія вериги.
 Скажите, какво прощенье
 Весь этотъ вздоръ, всѣ эти книги—
 И все зачѣмъ? Чтобъ вамъ сказать
 Что ихъ ненужно читать!...

ЧИТАТЕЛЬ.

За то какое наслаждение,
 Какъ отдыхаетъ умъ и грудь,
 Коль попадется какъ нибудь
 Живое, свѣтлое творенье!
 Вотъ, наприимѣръ, пріятель мой:
 Владѣетъ онъ изряднымъ слогами
 И чувствъ, и мыслей полнотой
 Онъ одаренъ всевышнимъ Богомъ!

ЖУРНАЛИСТЪ.

Все это такъ, да вотъ бѣда:
 Не пишутъ эти господа.

ПИСАТЕЛЬ.

О чемъ писать?... Бываетъ время,
 Когда заботъ спадаетъ бремя,
 Дни вдохновеннаго труда,
 Когда и умъ, и сердце полны,
 И рими дружныя, какъ волны
 Журча, одна волнѣдъ другой
 Несутся вольной чередой.
 Восходить чудное свѣтило
 Въ душѣ проснувшейся едва:
 На мысли, дышанція силой,
 Какъ жемчугъ, нисутся слова...
 Тогда съ отвлагою свободной
 Поэтъ на будущность глядитъ,
 И мѣръ мечтою благородной
 Предъ нимъ очищенъ и обмытъ.
 Но эти странные творенья
 Читаетъ дома онъ одинъ,
 И ими послѣ, безъ зазрѣнья,
 Онъ затопляетъ свой каминъ.
 Ужель ребяческія чувства,
 Воздушный, безотчетный бредъ
 Достойны строгаго искусства?
 Ихъ осмѣетъ, забудетъ свѣтъ...
 Бывають тагостныя ночи: